УДК 130.2

БЫТИЕ И ДРУГОЙ В ФИЛОСОФИИ А. КАМЮ

Мальцев Ярослав Владимирович,
Тюменский государственный университет,
кафедра философии,
соискатель,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Аннотация
В статье рассматриваются такие специфические грани процесса субъективации, как Бытие-без-Другого и Бытие-для-Другого, и влияние обоих экзистенциалов на человека и социум. Делается это через рассмотрение взглядов А. Камю, выраженных в его художественных и философских произведениях.

Ключевые понятия:
субъект,
субъективация,
Бытие-без-Другого,
Бытие-для-Другого,
А. Камю.

Вопрос о бытии — ключевой вопрос экзистенциальной философии, обращающей свой взгляд на существование конкретного индивида в мире. Отсюда множественность размышлений о бытии-в-мире, со-бытии, бытии-для-Другого — всей той многообразности форм, в которых являет себя бытие, подвергнутое попытке его понять или уловить. Вопрос о том, что такое собственное бытие, так или иначе (со всей отчетливостью или разновременными и случайными вспышками), стоит перед каждым человеком, когда он начинает осознавать себя как личность. Ответы на вопрос о бытии — важный этап процесса субъективации: они непосредственно влияют на осознание человеком своего «места в мире», своей «роли в мире», определяют его этические принципы и социальную практику. Оставляя за скобками проблему бытия как такового, в данной статье внимание сосредоточивается на том значении, которое играет в жизни человека Другой, с которым индивид включен в полифокальную матрицу [7] социума и вынужден *со*-присутствовать и *со*-существовать. Таким образом, бытие оказывается разделенным на две проживаемые формы, имеющие свое значение: бытие-без-Другого и бытие-для-Другого (в конечном счете характеризующихся переживанием или не переживанием любви — эротической или политической). Еще одной ограничивающей рамкой рассмотрения окажется философия А. Камю, понявшего жизнь как абсурд, а Другого – как необходимого субъекта, благодаря которому другой субъект существует (и так образуется субъект-субъектная социальная структура), как некоторую «точку пристежки» (Ж. Лакан), которой человек прикреплен к миру и благодаря которой в состоянии существовать и бороться в абсурдном мироустройстве.

А. Камю, безусловно, философ-поэт и писатель-поэт любви к Другому, где этот Другой делится на ближнего и на дальнего, которых надо любить одинаково, и даже дальнего преимущественно. Но если говорить о ближнем, то эта любовь — любовь к женщине: «Есть лишь одна любовь в этом мире. Сжимать в объятиях тело женщины — то же, что вбирать в себя странную радость, которая с неба нисходит к морю» [4, с. 119–120]. Камю — настоящий француз: в центре его философско-художественной прозы помещается Дама (разумеется, абсурд, разумеется, бунт, но обязательно — Дама). Если Камю и считает, что «оправдание абсурдного мира может быть только эстетическим», то прежде всего, это эстети-

ческое оправдание он находит в любви. И в его «Записных книжках», и в его новеллах, в его романах, мы найдем как восторженное описание женщин («Как красивы женщины в Алжире на склоне дня» [5, с. 207]), так и щедрую дань любви: «Тучи сгущаются, и ночь постепенно погружает во мрак надгробные плиты, на которых высечена мораль, приписанная мертвым. Если бы я был моралистом и писал книгу, то из сотни страниц девяносто девять оставил бы чистыми. На последней я написал бы: "Я знаю только один долг – любить". Всему прочему я говорю нет. Решительное нет» [5, с. 227]. *Камю* живет переживанием Другого и *именно в Другом видит основной смысл человеческого существования:* то, что может скрашивать и оправдывать мировой абсурд.

Мир для Камю – абсурден и иррационален. Человек изгнан из иррационального мира в силу своей рациональности – так раскрывается библейская трагедия, таков горький плод с древа познания: обретение разума, логики, желания (а здесь мы вступаем на почву психоанализа, в угодья Лакана и Делеза), которые делают невозможным счастливое бытие-в-мире: «Будь я деревом или животным, жизнь обрела бы для меня смысл. Вернее, проблема смысла исчезла бы вовсе, так как я сделался бы частью этого мира. Я был бы этим миром, которому ныне противостою всем моим сознанием, моим требованием вольности. Ничтожный разум противопоставил меня всему сотворенному, и я не могу отвергнуть его росчерком пера» [2, с. 51]. Человек, благодаря обретению им логоса, становится не просто отчужденным от мира, а *вытесненным из мира,* и в этом кроется зачин человеческой трагедии и экологического разрыва (почему потуги экологов с большой вероятностью обречены). В этом же экзистенциальная ситуация человеческой заброшенности: человек стоит один в мире, и стоит перед пустыми небесами («...каждый из нас вынужден был жить ото дня ко дню, лицом к лицу с этим небом. Эта абсолютная заброшенность...» [6, с. 81]). Человек один и обречен на одиночество.

Одиночество человека, по Камю, обеспечивает ему, с одной стороны, абсолютную свободу, где нет никакой детерминированности трансцендентным, а выбор жизненного смысла целиком на совести индивида (при этом любой смысл довольно-таки равноценен: от помощи бедным до нещадной эксплуатации рабочего класса), а, с другой стороны, приводит его к конфликту с мирозданием: человек понимает, что мир абсурден, что в нем все произвольно, что в нем все слепо и бесцельно, что вызывает в людях естественное желание вызова и отказ от смирения: «даже на смертном одре я не приму этот мир Божий, где истязают детей» [6, с. 227]. Здесь зарождается экзистенциальная диалектика Камю: взаимосвязь абсурда и бунта.

Абсурд для Камю («Чума», «Калигула», «Недоразумение» и проч.) – ситуация, в которой человек находится по факту своего существования. Рациональному человеку необходимо чувствовать безопасность. Именно о безопасности рассуждают Херея и Калигула [4, с. 294–298], и именно потребность в безопасности для себя и для других толкает Херею на заговор против Калигулы и на его убийство – человек поднимает бунт против опасного и бессмысленного начала. Абсурдность мира дает человеку абсолютную свободу, в которой даже убийство становится допустимым: «Нет доводов "за", нет доводов "против", и убийцу невозможно ни осудить, ни оправдать. Что сжигать людей в газовых печах, что посвящать свою жизнь уходу за прокаженными – никакой разницы. Добродетель и злой умысел становятся делом случая или каприза» [2, с. 122], а самоубийство – вполне естественное действие (как сказал бы Г. Грин – математический расчет бессмысленности дальнейшего существования [1]), потому как «жить в бессмысленном мире нельзя» [3], выводящее человека за рамки абсурда.

Вместе с тем для Камю (и в этом, скорее, его страх перед смертью и любовь к жизни, а значит, стремление оправдать свое существование[2]) самоубийство (являясь актом любви к Другому [6, с. 123]) подрывает сущностную характеристику

[1] «Как бы ни был велик страх перед жизнью, самоубийство – все равно мужественный поступок, продуманное действие математически мыслящего человека. Самоубийца все рассчитал по законам теории вероятности; он знает, сколько шансов за то, что жить будет мучительнее, чем умереть. Математический расчет у него сильнее чувства самосохранения» [1, с. 302].

[2] По-моему, Камю в этом своем рассуждении нарушает свой собственный логический ряд и отчаянно пытается из этой ситуации выпутаться, пускаясь в сложные мысленные завихрения (Камю сам пишет: «человеку трудно быть логичным до конца» и, кажется, сам об эту трудность спотыкается). А все выглядит проще: людям не хватает смелости признать, что в мире они одиноки (они придумывают Бога), что у жизни нет ни цели, ни смысла, что жить занятие глупое («все будет так, исхода нет», – А. Блок) и прибегнуть к «окончательному решению». Продолжение жизни не бунт, как думает Камю, а трусость (хотя часто действительно трусостью является самоубийство, потому что очень немного (есть ли?) рациональных самоубийц, подобных Алексею Кириллову («Бесы» Ф. М. Достоевского).

универсума: противоборство абсурда и бунта, абсурда и человека, где абсурд – само слепое мироздание (аналог греческого рока), а бунт – человеческое начало (Прометей и Сизиф). Самоубийство видится Камю как «бегство от мира или избавление от него» [2, с. 122] (что, безусловно, так и есть), но это путь неправильный, по его мнению, потому что означает принятие правил игры, согласие с пределом и уступку. Самоубийство оказывается активной пассивностью: человек действует (берет револьвер, всовывает его в рот, нажимает собачку), но он как бы сдается – он пасует перед брошенным ему вызовом, признает свою слабость и бессилие. Противоположность – бунт – активная пассивность, когда человек продолжает жить наперекор тому, что его существование есть полный абсурд. Человек продолжает жить и одним своим актом жизни, волей к жизни оправдывает жизнь, совершает Поступок и бросает вызов. Одним тем, что он постоянно вкатывает камень в гору, а, спускаясь, в момент отдыха, принадлежит себе и испытывает счастье, Сизиф бросает вызов богам – он живет и бывает счастливым, несмотря на все их замыслы. Так и человек может жить и вопреки, и назло, и в этом получать свое удовлетворение.

Тему жизни вопреки абсурду Камю развивает не только в своих эссе «Миф о Сизифе» и «Бунтующий человек», но и в художественной прозе, прежде всего в «Чуме», где в аллегорической форме болезни – чумы – изображена сама жизнь, где все жители города изначально «зачумлены» самим фактом своего бытия [6, с. 256-268]. Что такое наша жизнь, по Камю, в ее онтологическом смысле? – Тотальное одиночество перед пустыми небесами, перед ангелом чумы, копье которого направлено на человека. Человек одинок и бессилен перед лицом случайности, бессмысленности и рока. Никакие его сознательные усилия, никакие его положительные качества и поиск святости (попытка Тарру быть святым без Бога), никакие его попытки обрести помощь (или хотя бы уверенность) в трансцендентном (как пытался сделать отец Панлю) не оказываются успешными; впрочем, как и попытки жить в согласии с ницшеанством, где воля льва подразумевает одиночество, свободу и самодостаточность (Коттар). Человек одинок, говорит Камю, и это одиночество онтологическое, изначальное. Но вместе с тем человек не создан для одиночества, в одиночестве человек существовать не может, не должен, в этом случае он обязательно обречен на смерть. Красной линией в произведениях Камю проходит необходимость Другого и бытия-для-Другого. Спасение человека в эросе (индивидуальной любви) и агапэ (любви политической, всеобщей): «наш мир без любви – это мертвый мир» [6, с. 273].

Бытие-для-Другого фактически оказывается скрытым мотивом всех поступков героев «Чумы», которым дано спасение: они не существуют в мире одни, они (хотя бы ментально, хотя бы на уровне сердца, если уж не физически) существуют для кого-то и в ком-то, живут для человека и связаны с человеком. В чем драма (печальный конец) Тарру и отца Панлю, которые, вроде бы как, выполняли моральный долг наравне с другими (и больше других) и заслужили спасение? – Они делали благие дела прежде всего ради себя: отец Панлю ради своей веры и своего Бога, а Тарру ради попытки приблизиться к святости, разобраться в себе и с собой (недаром Тарру чувствует превосходство над собой доктора Риэ с его простым желанием «быть человеком» [6, с. 256–267]). В них не было ни того простого «спокойного мужества», которым отличался Гран (чем не толстовский образ?), ни той покорной любви к человеку ради самого человека, любви к жизни ради самой жизни, без украшательств, патетики и глубокомысленных поисков. Любви к жизни, которая присуща доктору Риэ, плывущему, скорее, по течению, раз уж оказался в реке, но пытающемуся сделать все от него зависящее, чтобы пространство вокруг него было более комфортным для человека.

В конце концов выживает Гран, который абсолютно невзрачен, занят бесперспективным бумагомаранием, но глубоко внутри которого живет любовь к женщине (Жанне, его жене), женщине, которой он не смог дать счастья (или дал лишь на миг), которая его оставила, но о которой он не забыл, которую он продолжает любить и о которой вспоминает в лихорадке. В момент полного отчаяния, когда человек полностью осознает довлеющую вокруг него пустоту (нет места для Бога, а есть место лишь для «очень древней угрюмой надежды, которая мешает людям покорно принимать смерть и которая не надежда вовсе, а просто упрямое цепляние за жизнь» [6, с. 272]), когда он как никогда близок к сумасшествию (и в этом трагедия Коттара – в итоге у него не нашлось зацепки, точки пристежки, которая связывала бы его с миром), в этот момент человека способен спасти только близкий ему Другой: «неизбежно наступает час, когда устав от тюрем, работы и мужест-

ва, жаждешь вызвать в памяти родное лицо, хочешь, чтобы сердце умилялось от нежности» [6, с. 273]. В конце концов перед лицом мира всем приходится «делать над собой невероятные усилия, чтобы удержаться на грани нормального» [6, с. 173], и помогает в этом привязка и любовь к Другому.

Второго, подобного Грану героя «Чумы», Рамбера, также спасает любовь к Другому, любовь к женщине — к его молодой жене, к которой он отчаянно рвется сбежать из закрытого на карантин города. Эта любовь спасает Рамбера как физически (он остается жив), так и морально: в последний момент, когда его побег уже решен и налажен, он понимает, что не сможет быть счастливым с той, кого любит, не сможет открыто и без стыда смотреть ей в глаза, если сбежит и оставит людей в беде. От эгоизма индивидуального бытия, от индивидуальной любви Рамбер оказывается способным подняться выше и взять на себя ответственность за общее: за других людей в городе. Любовь к Другому пробуждает в нем лучшие чувства, дает ему знание того, что он не одинок в мире и образ мира в немалой степени зависит от него самого. Ценность самого человека для Рамбера определяется его способностью полно и искренне любить: «Теперь я знаю, человек способен на великие деяния. Но если при этом он не способен на великие чувства, он для меня не существует» [6, с. 173].

На разнице двух персонажей: якобы благородного изначально Тарру (создателя дружины, активного участника борьбы с чумой, помощника Риэ) и эгоистичного Рамбера (он открещивается от города и хочет сбежать к любимой) Камю иллюстрирует истинное и ложное в человеческом бытии. Истинное — любовь, ложное — идея (какая бы она ни была: государство, Бог, нация). Онтологическое и онтическое. Тарру погибает в пучинах онтического. Рамбер живет — ему есть для кого жить и при помощи кого жить.

— А вот вы, Тарру, способны вы умереть ради любви?

— Не знаю, но думаю, что сейчас нет, не способен...

— Вот видите. А ведь вы способны умереть за идею, это невооруженным глазом видно. Ну, а с меня хватит людей, умирающих за идею. Я не верю в героизм, я знаю, что быть героем легко, и я знаю теперь, что этот героизм губителен. Единственное, что для меня ценно, – это умереть или жить тем, что любишь [6, с. 173].

В итоге Тарру погибает не из-за любви, а из-за ее недостатка. Отсутствие любви делает существование бессмысленным даже с точки зрения рока. Выживают же имеющие кого-то, кого можно встретить на вокзале и чьи тревожные глаза будут внимательно всматриваться в произошедшие во встречающем изменения. Только те, кто вдали или рядом имеют такие глаза, кто сам постоянно думает о Другом и диким криком зовет его в пространство (подобно Рамберу), только тот имеет смысл для существования и «разрешение на существование» в мире «Чумы», в мире вообще. И иногда что-то страшное (чума) необходимо только для того, чтобы человек мог осознать абсолютные ценности: важность и близость Другого, обесцененность всего прочего (работы, идеи, материальных ценностей), невозможность бытия-без-Другого в пустом пространстве. Другой и жизнь для него — единственное, что по-настоящему способно держать человека (и делать его человеком, существом чувствующим и переживающим) в абсурдном мире, делая его жизнь полной и полезной. Без Другого человека ожидает тупик.

Если для Сартра в Другом для человека скрыта угроза и Другой порождает тревогу, то для Камю тревога вызвана пустотой вокруг человека, а Другой необходим человеку, чтобы хоть как-то от этой тревоги избавиться, чтобы обрести помощь и смысл и почувствовать со-присутствие. Для Камю человеку нужен человек, и человек должен жить для человека — это единственное, что имеет истинное значение, благодаря чему мир приобретает краски. В результате если разграничивать (и вводить в оборот) бытие-без-Другого и бытие-для-Другого, то в философии А. Камю прослеживается четкое разграничение обоих понятий: первое будет носить явно уровень онтический, т.к. является, собственно говоря, путем, ведущим в никуда и лишающим человека всякой основы (потому что сам по себе и только лишь для самого себя человек быть не может, с точки зрения Камю). Второе понятие — онтологическое основание индивида — только через бытие-для-Другого человек созидается, раскрывается, становится человеком, реализуя свое, если угодно, предназначение, потому что просто «быть человеком» (позиция доктора Риэ) оказывается самым сложным и самым важным, находясь над героизмом, святостью, религией и государством. Быть человеком — значит посвятить себя Другому и пытаться бороться с несправедливостью мироздания ради этого самого Другого: «Мы должны служить справедливости, потому что существование наше устроено несправедливо, должны умножать, взращивать счастье и радость, потому что мир наш несчастен»

[5, с. 410]. И отношения с Другим — это то единственное, с точки зрения Камю, что дается стоящему во мраке, (да, по Камю тот самый, хайдеггеровский, просвет бытия, где стоит человек, темен) человеку [6, с. 135]; единственный ответ, который получает человек на свое вопрошание, и единственное его утешение, в котором он может обрести надежду («...главное — надо знать, какой ответ дан человеческой надежде. (...) Теперь они знали, что существует на свете нечто, к чему нужно стремиться всегда и что иногда дается в руки, и это нечто — человеческая нежность» [6, с. 311]) и радость («...вполне справедливо, если хотя бы время от времени радость, как награда, приходит к тому, кто довольствуется своим уделом человека и своей бедной и страшной любовью» [6, с. 312]). Тем же, кто смотрит «поверх человека к чему-то, для них самих непредставимому, — вот тем ответа нет» [6, с. 312].

И нужно всегда помнить, что «любая радость находится под угрозой» [6, с. 312]. Под угрозой находится тот самый Другой, который придает ценность нашей жизни и без которого невозможны ни мы сами, ни наш универсум.

1. Грин, Г. [Greene H.] Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. Наш человек в Гаване; Комедианты: Романы; Доктор Фишер, или Ужин с бомбой: Повесть [Текст] / Г. Грин. М.: Худож. лит., 1986. 591 с.

2. Камю, А. [Camus A.] Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство [Текст] / А. Камю. М.: Политиздат, 1990. 415 с.

3. Камю, А. [Camus A.] Калигула [Электронный ресурс] // Сетевая словесность. URL: http: // www. netslova. ru / postnov / pv / caligula. html (дата обращения: 04.06.2016).

4. Камю, А. [Camus A.] Сочинения. В 5 т. Т. 1 [Текст] / А. Камю. Харьков: Фолио, 1998. 398 с.

5. Камю, А. [Camus A.] Творчество и свобода. Сборник [Текст] / А. Камю. М.: Радуга, 1990. 608 с.

6. Камю, А. [Camus A.] Чума [Текст] / А. Камю. М.: АСТ, 2015. 381 с.

7. Павлов, А.В. Полифокальная социология современности [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 4. С. 5–13.

References

1. Grin G. [Greene H.] (1986) Izbrannye proizvedenija. V 2-h t. T. 2. Nash chelovek v Gavane; Komedianty: Romany; Doktor Fisher, ili Uzhin s bomboj: Povest', Moscow, Hudozh. lit., 591 p. [in Rus].

2. Kamju A. [Camus A.] (1990) Buntujushhij chelovek. Filosofija. Politika. Iskusstvo, Moscow, 415 p. [in Rus].

3. Kamju A. [Camus A.] Kaligula [Jelektronnyj resurs] // Setevaja slovesnost'. URL: http: // www. netslova. ru / postnov / pv / caligula. html (accessed 04.06.2016) [in Rus].

4. Kamju A. [Camus A.] (1998) Sochinenija. V 5 t. T. 1, Har'kov, Folio, 398 p. [in Rus].

5. Kamju A. [Camus A.] (1990) Tvorchestvo i svoboda. Sbornik, Moscow, Raduga, 608 p. [in Rus].

6. Kamju A. [Camus A.] (2015) Chuma, Moscow, AST, 381 p. [in Rus].

7. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 4, pp. 5–13 [in Rus].

UDC 130.2

EXISTENCE AND THE OTHER IN ALBERT CAMUS'S PHILOSOPHY

Maltsev Yaroslav Vladimirovich,
Tyumen State University,
The Department Chair of Philosophy,
Degree-seeking student,
Tyumen, Russia.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Annotation
The article considers such specific facets of the process of subjectification as Existence-without- the Other and Existence-for-the Other and the influence of both existentials on a human being and a society. The author refers to A. Camus's views expressed in his fiction and philosophic works.

Key concepts:
subject,
subjectification
Existence-without-the Other,
Existence-for-the Other,
A. Camus.